

С НУЛЕВОГО РАНГА

СЕРГЕЙ РЕАЛОВ
АРОН РОДОВИЧ

Том 1

Арон Родович

**Регрессор. Заново с
нулевого ранга! Том 1**

«Автор»

«Автор»

2026

Родович А.

Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 1 / А. Родович —
«Автор», «Автор», 2026

Меня предали и бросили умирать в S-разломе. И очень зря! Ведь я вернулся на двенадцать лет назад! Теперь мне снова двадцать два. Ранг Е, денег кот наплакал, магии почти ноль. Зато за плечами двенадцать лет рейдов, боевой опыт ветерана и знание секретов, за которые сильнейшие гильдии готовы убивать. Пока новички боятся первого разлома, я валю босса заточенной трубой. Пока гильдейские шишки делят добычу, я забираю своё. А самоуверенных инструкторов, решивших поставить меня на место, ждёт большой сюрприз! Правда, прошлое уже начало меняться, а мои знания будущего перестают быть надёжными. Ну и отлично! Кто сказал, что я собирался играть по старым правилам?

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 1

Глава 1

Будильник орал на всю комнату, и я проснулся от того, что мою левую ногу сводило судорогой. После рейда в С-классе хватало потереть мышцу, и отпускало. Сейчас я вдавил пальцы в икру, попытался распрямить ногу — куда там. Колено выворачивало, пятка сама тянулась к заднице, а на простыне уже темнело от пота. Крик сорвался прежде, чем успел зажать рот. Пяткой долбанул по матрасу — спазм не отпускал, зато колено согнулось без хруста. Тонкие запястья, лёгкая нога. Такими мои руки были в двадцать два. Да быть такого не может. Ещё раз ударил пяткой, схватился за простыню; боль не исчезла и сон не кончился. Во сне я бы не чувствовал запах дешёвой синтетической простыни и плесени из вентиляции. Во сне я не помнил, как умер в тридцать четыре года в S-разломе «Чёрная дыра», когда гильдия «Аврора» сознательно перекрыла канал отхода, оставив нас сдохнуть ради сохранения секретности их предательства.

Я рывком сел, сбросив одеяло. От резкого движения перед глазами почернело. Я сидел, стиснув край матраса, ждал, пока отпустит: только бы сейчас не свалиться обратно. Сердце частило; каждый удар я ощущал в горле, никак не мог сглотнуть. На тумбочке лежал мой старый телефон, в жёлтом от времени чехле, с трещинами на экране. Я взял его дрожащими пальцами и ткнул в дисплей. Через трещину пришлось разглядывать дату: двадцатое мая. Время ещё могло совпасть случайно; год — уже нет. Я поднёс экран ближе к глазам.

Мир качнулся.

Это был тот самый день. Двадцатое мая. День моего Пробуждения. День, когда я должен был пойти на вербовочную точку Реестра у гаражного кооператива «Заречье» и получить статус Е-ранга, с которого начнутся двенадцать лет моей службы расходником. Даже когда доползу до В, «Аврора» будет обращаться со мной так же. В голове стоял гул, смешивались двенадцать лет первой линии и сегодняшнее утро. Я знал, что произойдёт через четыре минуты после моего входа в зону разлома. Знал имена тех, кто умрёт первым. Знал цвет крови на бетоне и звук, с которым ломается хребет у минибосса «Слюны».

— Блядь, — я упёрся ладонью в тумбочку, удерживая телефон перед глазами. Голос сорвался, молодой, без хрипотцы ветерана.

У раковины пришлось упереться в край: ноги после судороги держали скверно. Придвинулся к зеркалу, убрал волосы со лба. Мешки под глазами, прыщ на подбородке — моё старое лицо, мать его. Наклонил голову: на переносице даже полоски нет. Коготь той твари ещё не проходил здесь, а я двенадцать лет привык бриться вокруг рубца. Ногтем провёл по щеке, сильнее, чем хотел. На гладкой коже защипало; под пальцем она была тёплой. Двадцать два года. Мои — только я давно от них отвык.

Если бы это был психоз, если бы мой мозг просто перегорел от стресса или наркотиков, то боль была бы такой же. Я прикусил внутреннюю сторону щеки до металлического привкуса во рту. На языке осталась соль. Щека саднила, нога отпускала; всё это было моим, как ни хотелось свалить на чужую голову. Двадцатидвухлетнее тело, ещё без статуса и магии. Резервуар пуст. На прежнюю силу сейчас лучше даже не рассчитывать.

— Проверка реальности, — я провёл пальцем по краю раковины, потом повернул голову к двери: привычка из рейдов. — Пять объектов вокруг себя. Имя человека рядом. Текущая задача.

В комнате никого не было. Задача была одна: добраться до гаражей раньше, чем откроется разлом, и вытащить оттуда двух людей, которых я помнил мёртвыми. Петра Смолина и Киру Вьюхину — новичков, которые сгорели в первые минуты хаоса, пока я, тогдашний трус,

бежал к выходу. Найти их у ограды, увести с площади, хотя бы за соседний дом. До открытия разлома там ещё можно пройти обычными ногами. В той жизни я даже поговорить с ними толком не успел. Имена потом выучил по списку погибших; лица забыть так и не смог.

Я схватил со стула футболку и джинсы. Футболку натянул раньше, чем разобрался, где у неё перед. После двенадцати лет сборов на рейд я уже не следил за руками. Сами натягивали ткань, сами находили пояс. Только оружия эти тонкие запястья ещё не знали — разве что кухонный нож. Я натянул штаны, затянул шнурок на поясе слишком туго, потом слабее. Ключи от квартиры.левой рукой я привычно потянулся к карману куртки, ожидая найти связку с металлической биркой от общежития «Авроры». Вместо этого пальцы наткнулись на обычный брелок с пластмассовой машинкой. Паспорт с полки — во внутренний карман ветровки, саму ветровку — поверх футболки. Машинку на брелоке я ещё раз повернул между пальцами. Та самая. С этой связкой я когда-то заселился в одну съёмную комнату, радуясь, что санузел свой, хоть и совмещённый. Чего теперь разглядываю? Ключ к выходу у меня, дверь передо мной.

Кошелёк. Я открыл его, проверяя наличность. Три купюры по сто рублей. Мелочь. Карточка с нулевым балансом. Я даже помнил, как пересчитывал эти купюры перед первой вербовкой: на проезд, на сигареты, на еду потом. За двенадцать лет получал и премии, и рейдовые выплаты; большую часть уносили лечение и долги. Кошелёк тогда потолстел, счастья не прибавилось. Этот закрыл, пока не затянуло вспоминать дальше.

Я выбежал из комнаты, хлопнув дверью так, что соседи сверху наверняка слышали. Подъезд пах мокрой тряпкой и табаком. Лифт был занят, и я рванул по лестнице вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Колени не болели. Спина не ныла. На третьем пролёте пришлось сбавить шаг: лёгкие уже просили воздуха, хотя ноги ещё легко перелетали через ступеньки.

Снаружи холод прошёл под футболку. На асфальте уже лежало солнце; майский воздух казался слишком ясным для утра, которое я помнил последним нормальным. Остановился посреди тротуара, хватая его ртом, и принялся сверять улицу: что осталось, что успело измениться? Хотелось разглядеть всё ещё раз, от остановки до ларька. Но на вербовку я сегодня шёл не за рангом. Пётр и Кира ещё живы; пока стою здесь, они приближаются к гаражам. Я заставил себя отвернуться от щита.

Вот вывеска круглосуточного ларька «24 часа». Вот автобусная остановка с рекламным щитом нового айфона, который вышел двенадцать лет назад — если считать от моей смерти. У ограждения двое в оранжевых жилетах курили над раскрытым ящиком инструмента. Обоих видел потом на снимке в местных новостях: поймали на кражах, посадили. Пять лет к моей смерти уже отсидели. Сейчас смеялись, и я на секунду сбился с шага, узнав улыбку на одном из тех лиц.

Пальцем провёл по щеке: рубца всё ещё не было. На щите — новый айфон, который для меня давно устарел. Город жил этим утром. Я принёс в него двенадцать лишних лет.

Мимо ларька так и не прошёл. Нужна была хоть одна проверка, не зависящая от моего отражения: сейчас попрошу привычное, услышу её ответ и перестану гадать. Я свернул к окошку, ещё раз глянув на часы. Внутри сидела продавщица — полная женщина в очках с цепочкой, читала журнал. Её звали Валентина. В первой линии она умерла через три года, когда разлом «Школа» накрыл квартал. Я помнил её лицо по фотографиям в новостях.

— Доброе утро, — я наклонился к окошку, пряча дрожащую руку ниже стойки.

Поверх очков она разглядела моё лицо, хмыкнула и сдвинула дужку кончиком пальца.

— Здорово. Что возьмёшь? — Она придержала журнал локтем и потянулась к кассе.

— Жвачку. Мятную. И сигареты «Камел». Синие. — Я указал на полку за её плечом, ту самую, которую помнил.

Она посмотрела на меня скептически.

— Жвачка есть. Камелов нет. Курильщик ты какой-то невнятный. Возьми «Мальборо», красные. — Она поставила на стойку пачку, не выпуская её из пальцев.

Пальцы так и остались у кармана с кошельком. В памяти первой линии она всегда продавала «Камелы». Она говорила: «Синие кончились, но придут вечером».

Дослушал и всё ещё ждал слова «вечером». Она уже потянулась убрать пачку: покупать я явно не спешил. Вот тебе проверка, Димон. Либо утро другое, либо за двенадцать лет сам запомнил не ту сигарету. Гаражи на такую ошибку проверять будет поздно.

— Ладно, Мальборо давай, — я выложил на стойку две сотенные купюры. Жвачку и пачку забрал вместе со сдачей: двадцать рублей. На автобус хватит.

Она подтолкнула сдачу к краю стойки.

— Ты чего такой бледный? Как будто сам чёрта видел. — Она задержала руку на стойке, заставив меня поднять глаза.

— Сон плохой приснился, — я сунул пачку в карман, с первого раза не попав в прорезь; по спине полз холодок.

— Бывает, сынок. Молодой ещё. — Она пододвинула журнал обратно и расправила загнувшийся угол страницы.

Я убрал сдачу и вышел. Ноги стали ватными. Сигареты не совпали. Время, город, вербовка — пока совпадали. Я потёр ладонью щёку: по одной пустой полке двенадцать лет из головы не выбрасывают. Проверю следующий пункт. И ещё один. Пётр и Кира могли сегодня оказаться в другом месте — вот это надо проверить самому. Сигареты обойдутся, их я уже купил; этих двоих из морга уже не вытащишь. Убрал кошелек и повернулся к остановке.

Нужно было добираться до гаражей. По плану первой линии, я должен был сесть на автобус номер 15, доехать до конечной «Заречье» и пройти пешком десять минут.

Я подошёл к остановке. Табло показало: «15 идёт через 3 минуты». Я посмотрел на часы. 8:42. Разлом открывался в 9:15. У меня было чуть больше получаса.

В автобусе за дверью уже стояли люди. Я вклинился между ними, подал двадцать рублей, дождался билета. Сотню в кошельке оставил под ним. Продвинулся к окну: от чужого пота и бензина после бега мутило. Холодное стекло прижал ко лбу, наконец позволил себе закрыть глаза.

Стоило закрыть глаза, передо мной опять оказались те двое. Неподвижные. За двенадцать лет сколько ни пытался от них отвернуться, лица возвращались именно такими. Тело Петра Смолина, скрученное в неестественную позу под синим светом разлома. Его лицо, искажённое криком боли. И Кира. Она лежала рядом, её рука тянулась к чему-то невидимому, а глаза были открыты и пусты. Они погибли через четыре минуты после начала инцидента. Их нашли позже, уже мёртвыми, в ловушке второго кольца.

Я распахнул глаза. Автобус затормозил резко, пассажирка позади меня ойкнула.

— Куда едем? — Водитель поймал мой взгляд в зеркале, держа ногу на тормозе.

— До конечной, — я отлип лбом от стекла и поднял билет.

— Конечная перекрыта. Ремонт теплотрассы. Дальше не еду. Высаживайтесь все на остановке «Стройка». — Он нажал кнопку дверей и показал через лобовое стекло на ограждение.

Толпа загудела, возмущённо. Я выругался про себя. Маршрут изменился. Дорожники перекрывали эту улицу каждый год, но в первой линии ремонт закончился за месяц до моего Пробуждения. Теперь он шёл полным ходом.

Выскочил на знакомом перекрёстке. До гаражей ещё полтора километра: быстрым шагом минут пятнадцать, бегом семь. Выбирать не пришлось. Сунул кошелек поглубже и побежал, пока другие пассажиры ещё спорили с водителем.

Бежать в теле двадцатидвухлетнего новичка было тяжело. С первого же разгона заболело под рёбрами. Выдохнуть до конца не успевал, а уже тянул в рот новый воздух. В В-ранге на такой дистанции даже с полной экипировкой только разогрелся бы. Здесь последние полгода вместо тренировок ходил от дома до остановки. Память предложила ускориться; ноги ответили так, что я едва не споткнулся.

По пути я замечал детали. Вывеска магазина «Продукты» горела красным неонам. В первой линии её сменили на зелёную светодиодную вывеску только через два года. Кто-то курил у подъезда, бросая окурок прямо на газон. Курильщик остался у подъезда. Ему незачем было бежать. Впереди у него всё ещё обычное утро, а я считал, сколько ногам нужно до гаражей. Хотелось заорать про разлом — и на этот крик потратил бы ещё полминуты.

Я свернул в переулок, срезая угол, как делали местные подростки. Здесь пахло мусором и влажным кирпичом. Сердце билось так сильно, что отдавало в уши. Руки перебирали воздух, помогая ногам тащить меня дальше. Если успею вытащить этих двоих, в отчёте уже будет другой список. А следующий привычный ход придётся проверять заново — как автобусный маршрут сегодня.

На выходе из переулочка пришлось удержаться за угол дома. Ряды гаражей уже были передо мной. На воротах облупилась краска, между секциями рос бурьян; табличку «Кооператив Заречье» я прочитал на ходу. Хоть не перепутал дорогу. Теперь найти двоих среди этих спин.

На площади перед центральным входом уже собиралась толпа. Человек двести, может, триста. Молодые ребята, девушки, мужчины среднего возраста. Все они пришли на «день Пробуждения» — официальную процедуру регистрации потенциальных рейдеров, которую проводили представители Реестра и рекрутеры гильдий.

Перед площадью я перешёл с бега на быстрый шаг. Я старался дышать носом, чтобы не хватать воздух ртом на глазах у охраны. Пот заливал глаза, футболка прилипла к спине; я стёр капли рукавом и пошёл вдоль толпы. Со стороны — обычный опоздун, который проспал вербовку. Пусть так и думают, пока я ищу своих.

Впереди смеялись девушки, у ворот курили парни, то и дело поглядывая на них. Один прикурил вторую сигарету от первой, хотя та ещё не догорела. Другой всё теребил паспорт. Я протянул шею над чужим плечом: Пётр выше большинства, должен же быть виден. Кирину короткую стрижку отсюда не разглядеть.

В первой линии они стояли у самого края, ближе к ограждению, отделяющему площадь от территории кооператива. Пётр — высокий, худой, с рыжими волосами, которые торчали в разные стороны. Кира — маленькая, юркая, с коротким каре и яркими серьгами-кольцами.

Вдоль ограждения тянулись чужие плечи. Рыжей макушки среди них не было. У входа в административный корпус тоже чужие, у скамейки с навесом — опять ни Петра, ни Киры. Снова повернул голову к ограде.

У скамейки я остановился. Нигде нет. Можно было бы обрадоваться: не пришли, сегодня их смерть сама отменилась. И уйти. Я уже чувствовал, как хочется в это поверить, лишь бы выдохнуть и перестать искать. Нет, пока не увижу обоих живыми, с этой площади не уйду. Лучше ещё раз пройти вдоль ограды.

В глубине толпы ребята теснились друг к другу, тянули пальцы вверх и перекрикивали соседей. Что там у них? С этого места за спинами ничего не разобрать. Пётр тоже полез бы поближе посмотреть — там и поищу.

Я протиснулся сквозь спины, толкаясь локтями.

— Эй, аккуратно! — Парень передо мной выставил локоть, удерживая место у ограды.

— Пропустите, надо пройти! — Я просунул плечо между ним и его приятелем.

— Все хотят пройти! — Приятель отступил на полшага и толкнул меня в спину. — В очередь вставай!

Чужой локоть тёр бок, со спины снова толкнули. Отвечать на окрики было некогда: за этими спинами я мог упустить Петра и Киру.

Когда я вырвался из группы, то увидел небо.

Над воротами мерцало синее пятно; вокруг него ещё было голубое небо с редкими облаками. Я вытянул руку, заслонил солнце. Знакомое мерцание. Уже? Разлом должен открыться в девять пятнадцать! На телефоне увидел 9:02 и перевёл взгляд обратно к воротам, словно

пятно могло исчезнуть, пока смотрю на часы. Не исчезло. Тринадцать минут у меня только что отняли.

Паника вспыхнула в груди, белой и горячей. Часы пришлось проверить ещё раз. Девять ноль две, мать его. Старое время больше не годилось; выбросить вместе с ним место разлома и вторую пасть я не мог. Здесь уже рвался воздух, я видел это сам. Значит, все четыре минуты, которые я оставлял себе на разговор, кончились. Я рванул к ограде.

Повернулся обратно к толпе — Петра и Киру нужно было хватать сейчас, — но у ближайшего гаража взгляд зацепился за красное на стене. Даже на бегу такую надпись не пропустишь.

На сером бетоне, который в первой линии был чистым и покрытым только граффити местных детей, теперь висела свежая надпись. Красная, жирная, каплями стекающая вниз.

«НИКОГО НЕ ВЫПУСКАТЬ».

Красных букв я не помнил — ни на этой стене, ни в отчётах Реестра, ни в разговорах рейдеров. До гаражей только добежал, ничего здесь ещё не успел сделать. А кто-то уже велел запретить людей. Синий разрыв можно было узнать; с приказом на стене я не знал, к кому повернуться.

— Смотри, смотри! — Кира вытянула руку над оградой, показывая Петру на синий разрыв.

Я обернулся.

В десяти шагах от меня, прямо напротив зоны мерцания, стояли двое.

Высокий парень с рыжими, торчащими волосами. Маленькая девушка с коротким каре и огромными серьгами.

Пётр и Кира.

Оба стояли на виду, задирая головы. Я видел Кирина открытый рот, рыжие волосы Петра в синем отсвете. Нашёл, живые! Хотел крикнуть им — и не сразу смог: Кира так радовалась этому зрелищу, что я опять видел перед собой девчонку с вербовки, а не мёртвое лицо.

— Это оно? Это правда работает? — спросила Кира, делая шаг вперёд, к ограде.

— Да ты чё, это спецэффекты какие-то! — засмеялся Пётр, доставая телефон. — Снимай, снимай!

Протиснулся к ним, едва не наступив Кире на ногу. Она отдернула локоть от ограды, Пётр опустил телефон. Оба смотрели на меня. Добрался. До живых, тёплых, раздражённых тем, что я мешаю смотреть.

— Привет. Дима. — Слова пришлось выдохнуть между чужими плечами. — Отойдём отсюда. Сейчас.

— Петя, — он машинально сунул телефон в карман и протянул руку. Я пожал её слишком крепко; он поморщился. — Мы за тобой очередь держать должны?

— Мы на регистрацию, — Кира втиснулась рядом с ним. — Ты от охраны?

Моя ладонь была ещё на Петиной. Отпустил: живой человек, Димон, нечего проверять его хваткой.

— Нет. Видите, как воздух над оградой рвётся? Это уже открывается. За дом отойдём, там договорим.

— А нас потом в конец очереди? — Кира подалась мимо меня к воротам. — Петя, пошли к столу, пока пускают.

Он потянулся за ней; я перехватил его рукав.

— К столу сейчас нельзя.

— Слушай, мы всё утро тут простояли. — Петя высвободил рукав, но остался рядом с Кирой, закрывая её плечом от напавшей толпы. — Ты хоть скажи, что случилось.

Синий разрыв расширялся над его головой. «Я видел вас мёртвыми» — так и сказать? Двое впервые меня видят, а я уже тяну их прочь от того, ради чего они пришли.

— Там будут твари. Охрана не удержит. Вон проход, слева от...

И тут небо над кооперативом взорвалось звуком.

Я зажал левое ухо ладонью, правое прикрыл плечом. Всё равно слышал этот визг — тонкий, на одной ноте, от которой сводило зубы. В синем пятне дрожал воздух; ограда за ним стала кривой, словно я смотрел через толстое стекло. Она была прямая ещё секунду назад.

Люди в толпе начали кричать. Кто-то упал. Кто-то побежал к воротам, сдавливая друг друга.

— Разлом! Это настоящий разлом! — Парень с телефоном отшатнулся от ограды; экран выпал у него из пальцев.

— Охрана! Где охрана?! — Женщина рядом цеплялась за его жилет, пытаясь развернуть к воротам.

— Бежим! — Он сдёрнул её руку и первым нырнул между чужими плечами.

Договорить не дали. Чужие плечи уже толкали меня к воротам. Петя потянулся ко мне, но между нами втиснулся парень с рюкзаком. Кира с Петром оставались впереди, а меня уносило назад вместе с теми, кто только что снимал небо. Если поддамся ещё на шаг, потом снова придётся пробивать этот ряд.

Пятки скользнули по асфальту. Я упёрся, пропустил мимо себя чьё-то плечо и попробовал шагнуть вперёд. Толпа опять понесла назад. До Пробуждения я не мог просто растолкать их; пришлось повернуться боком и просунуть ногу в просвет. Именно здесь в первой жизни падали люди. Сегодня я ещё стоял и видел, куда сделать следующий шаг.

Они ещё не бежали. Они замерли, глядя на то, как из-под синей дуги в воздухе начинает вытекать густая, липкая масса, похожая на расплавленный пластик, только грязно-белого цвета.

«Слюна». Так называли эту тварь в первых отчётах. Минибосс класса Е+.

Туша оседала медленно; я следил, куда коснётся бетона её край. Там сразу шевельнулась мелочь. Одна тварь метнулась к ногам людей, щёлкнули челюсти, кто-то закричал совсем рядом. Пётр наконец обернулся, нашёл меня глазами. Хотелось узнать на его лице улыбку, с которой он только что снимал разлом, но рот уже был открыт, а губы побелели.

— Ты чего стоишь? — Он вскинул руку, гоня меня к воротам. — Беги!

— Там вторая пасть! — Я врезался плечом в поток, перекрикивая вой сирен, которые наконец включились где-то в глубине кооператива. — Коридор справа! Он схлопывается!

— Что?! — Кира схватила Петра за руку, дёргая к выходу. — Пётр, идём!

Они пошли к основному потоку паники, к людям, которые толкали друг друга, стремясь к железным воротам на въезде.

Именно туда, где в первую очередь рвутся грани реальности, превращая людей в кашу.

За чужими спинами их опять перестало быть видно. Две минуты — столько осталось, если всё пойдёт как тогда. Я поймал себя на том, что отступаю вместе со всеми. До ворот рукой подать. Выйду — и уже никто не спросит, почему не полез без статуса под Е+. Первый раз так и вышел. Двенадцать лет потом вспоминал, как легко дал толпе унести меня от этих двоих.

Поджал пальцы в кулак, разжал. Ладони целы, ноги держат. Чтобы встать между ними и коридором, ранга не требуется. Успеть бы протиснуться.

Я развернулся и пошёл против потока.

Люди сталкивались с моими плечами, матерились, толкали. Встречный толчок развернул меня боком, но подошвы удержались. Протискивался вглубь гаражей, туда, где синяя слизь уже растекалась по асфальту, поглощая свет.

Охранник Реестра выбегал мне навстречу, придерживая кобуру свободной рукой. Пистолет у него ходил вверх-вниз с каждым шагом. Я смотрел на ствол: ещё чуть в сторону, и наведёт на людей. Он сам, похоже, не замечал, как дрожит кисть.

— Стой! — Охранник выставил пистолет поперёк моего пути, ствол качнулся к толпе. — Эвакуация! Внутрь нельзя!

Вцепился ему в грудки, подтянул к себе. Он дёрнулся, попытался отстраниться — держал ворот, пока не поймал его взгляд. Чтобы заговорить, пришлось разжать зубы: челюсть свело. Хотелось орать вместе с толпой, но охранник и без меня успел наслушаться криков. Ему нужен был хоть один человек, который знает, куда идти. Я знал.

— Если ты хочешь жить, — я подтянул его за ворот ближе, чтобы он слышал меня сквозь рёв толпы, — ты не будешь держать периметр. Ты пойдёшь со мной.

— Ты кто такой? — Охранник вцепился в моё запястье, пытаюсь снять с воротника мою руку.

— Тот, кто знает, где выход. — Я повернул его к боковому проходу и разжал хватку.

Протиснулся мимо его локтя, ожидая, что ухватит сзади. Не ухватил. На следующем шаге оглянулся: охранник стоял всё там же, пистолет опустил. За мной пока не пошёл, но дорогу больше не перекрывал.

Впереди, среди клубов пыли и криков, я увидел фигуры Петра и Киры. Они застряли в узком проходе между двумя рядами гаражей, где поток людей образовал затор. Сзади них, в ста метрах, синяя масса «Слюны» начала поднимать голову, выпуская наружу ультразвуковой писк.

Земля под ногами завибрировала.

До их смерти оставалось меньше двух минут.

От сирен гудело в груди. Я уже не различал, где именно они висят, слышал один сплошной вой и собственное сильное дыхание поверх него. Пётр был рядом; докричаться бы до него сейчас, пока снова не унесло толпой. Я догнал Петра и Киру в заторе. Петя упирался ладонью в чужую спину, другой рукой удерживал Киру возле себя; её уже прижало к стене.

— Петя! Сюда!

Он повернул голову. Я схватил его за ворот и выдернул из потока к боковому проходу. Петя сохранил хватку на Кириной руке, и она выскочила следом, задыхаясь. На освободившееся место тут же навалились чужие плечи.

— Здесь проход! — Я махнул тем, кто застрял за ними. Ещё пятеро повернули к нам; последний парень протиснулся боком, прикрывая голову.

Глава 2

Я ташил семерых через проход между гаражами, чувствуя, как ладонь сжимает ткань чужой куртки до побеления костяшек. Впереди и позади толкались те же новички с вербовки. Сегодня пришли за Е-рангом — я двенадцать лет назад тоже пришёл за ним как за пропуском в новую жизнь. Под моим кулаком дёрнулся Петров воротник. Нет уж, из этих семерых новый расходник сейчас не выйдет.

Кира упёрлась мне в грудь обеими руками. Больно: после бега и так воздуха не хватало. Она смотрела исподлобья, готовая толкнуть ещё раз; её серьга зацепилась за воротник, и Кира дёрнула головой, освобождая кольцо. Я увидел это движение и едва не улыбнулся. Двенадцать лет помнил её неподвижной. Пусть толкается, пусть ругается — только к воротам больше не побежит.

— Ты кто вообще такой? — Она оттолкнула меня ещё раз, пытаюсь вырвать Петра из моей хватки. — Никто тебя не выбирал командовать! Мы сами решим, куда бежать!

Я остановился, разворачивая её силой, и ткнул пальцем в угол соседнего бокса. Там, в тени, лежало остывшее тело одной из мелких тварей первого кольца — «слюнки», размером с крупную собаку, покрытой серо-зелёной слизью. Из её пасти торчал обломок арматуры.

— Видишь это? — Я удержал Киру за плечо, поворачивая к труп; голос понизил так, чтобы слышала только она и Пётр Смолин, стоявший рядом. — Такие уже режут проход к воротам. Вы к выходу бежите, а она там вас ждёт. За фундаментом есть бетонный блок, до него дойдём вдоль стены. Там удержимся. Идёшь со мной или остаёшься с ней?

Кира сглотнула, посмотрела на труп, потом на меня. Под моей ладонью её плечо оставалось жёстким.

— Руку убери. Я проход вижу.

Отпустил. Она сразу взяла Петю за запястье, потянула к свободной щели у стены.

— Пойдём. Только вместе.

— Я бы и рад отдельно, — Петя зацепился курткой за угол, дёрнул ткань. — Ты ж меня не выпускаешь.

— Вот дойди сначала. — Кира освободила его воротник от торчащего железа и посмотрела на меня. — Показывай свой блок.

Я первым шагнул в щель. Семеро новичков, включая Петра, потянулись за мной.

За старым фундаментом я помнил мёртвую зону. Вывести их к бетонному блоку, втиснуться в узкий коридор — там хотя бы будет упор для оружия, какое сумею найти. До блока ещё надо было дойти, и уже на первом повороте знакомый проход подвёл. Проход, который в моей памяти первой линии был свободен, оказался заварен новыми воротами из профлиста. Сварные швы ещё блестели синевой. Кто-то укреплял гаражи заранее. Ещё один сдвиг. Ворота новые, фундамент старый. Я знал, где боковая стенка не сходилась с каркасом, ещё по схеме кооператива. Сдвиг отнял проход, но бетон за ним оставался нашим укрытием. Я нашёл щель, просунул пальцы под лист и потянул его наружу.

Мы протискивались гуськом. Двое из группы рванулись вперёд, увидев просвет. На пути стояли две мелкие «слюнки». Они не рычали, не показывали зубов — просто стояли, повернув головы в нашу сторону, будто слушали наше дыхание. Их хитин переливался жирным блеском.

Группа замерла. Один из парней, здоровый детина в спортивном костюме, схватил кирпич.

— Прорвёмся! — крикнул он, подняв кирпич над плечом. Крупные пальцы закрыли сколотый угол: бросок уже готовил, не спрашивал нас.

— Стоять! — рявкнул я. Сам услышал в этом молодом голосе привычную команду с рейда. Парень с кирпичом замер, остальные перестали толкаться к просвету. Я медленно

выкрутил пальцами расшатанный болт из крепления на ближайших воротах. Металлический скрежет резанул уши. Твари вздрогнули, их носы-гребни задёргались.

Я швырнул болт в противоположную стену, далеко слева. Звон металла о бетон эхом разнёсся по проходу. Твари развернулись и, издав короткий свист, метнулись на звук.

— За мной. Быстро. — Я прижал отогнутый лист к стене, пропуская Киру с Петром, и показал остальным на освободившийся проход.

Кира, протискиваясь мимо меня, оглянулась на место, куда я бросил болт. Потом посмотрела мне в лицо. Я не стал объяснять: звон ещё отдавался между гаражами, а твари уже бежали туда, куда мне было нужно. Пусть проверяет меня по делу. На следующее «за мной» она хотя бы не потратит время, отталкивая меня от Петра.

Мы добрались до полуразрушенного гаража-мастерской. Внутри пахло старой краской и бензином. На верстаке лежали тиски, а в углу валялся каркас старых ворот со стальной трубой вместо верхней поперечины. Один край трубы был косо срезан, второй ещё держался на ржавой сварке.

— Нужна труба, — я положил Петровы ладони на поперечину. Он кивнул, его руки тряслись, но он держался. — Держи крепче.

— Это мы с ней против той туши? — Петя обхватил металл обеими руками.

— Для начала против сварки. Держи.

Ухватил конец трубы, потянул на себя. Рама закрипела и поехала вместе со мной; шов даже не треснул. Пётр крепко держал поперечину, ждал следующего рывка, а я выпрямиться не мог — прострелило спину. Отпустил трубу на секунду, выбрал ногой упор. С прежней силой рванул бы ещё раз. Сейчас только сорву спину и оставляю их с этой рамой.

— Тяни на себя, когда я скажу! — Я упёр каркас в край блока, чтобы рвать один шов, а не всю раму. — Три... два... один!

Мы дёрнули одновременно. Сварной шов хрустнул, и труба вылетела наружу, вместе с кусками ржавого каркаса. Пётр чуть не упал, я поймал его за шкирку. Пётр удержал трубу у живота, пока я возвращал ноги под себя. Его пальцы белели на ржавчине. Вдвоём вырвали — вдвоём теперь и донесём, хотя бы до выхода.

Тупой срез я приложил к бетонному блоку. Первый раз повёл слишком сильно — труба перескочила через выбоину, и Пётр придержал её конец, чтобы не брякнула. Начал снова, короче и осторожнее. На стали остались белые полосы; под ноготь на кромке цеплялось всего в двух местах. Так кожу не проколешь, только соскользнёшь.

— Так не пойдёт, — я повернул косой срез и провёл ногтем по кромке. — Слишком тупо.

Я поменял угол. Работал только косо срезанным носком трубы, водил кромкой по краю блока. Сталь начала звенеть чище. Появилась острота. Пика. Колющее оружие. Рубить этой дурой — руки отвалятся. В мягкое место войдёт, если всем весом.

— Готово, — выдохнул я, проверяя кончик ногтем. Царапина осталась.

Курьер сунул руку под древко, помогая поднять его с блока.

— Тебя хоть как зовут? — Он переставил ладонь ближе к тупому концу, ожидая, пока я возьмусь крепче.

— Дима, — я перехватил трубу и высвободил её из его пальцев. — И держать её буду я.

В этот момент сквозь щель в профлисте мы увидели движение. Четырёхметровая туша «Слюны» — минибосса класса Е+ — подняла голову. Его слизистая броня капала на асфальт, разъедая покрытие. Нос-гребень тряся, ловя вибрации. Он развернулся в нашу сторону. Крик будет через восемьдесят секунд, если она повторит первую линию. Я посмотрел на часы: пошёл отсчёт.

От мастерской нужно было уходить сейчас, пока гребень ещё доворачивался к нам. Один из семерых, Женя, ступил на щебень — нога подвернулась. Он вскрикнул и упал. До укрытия ещё не дошли, а одного уже придётся тащить.

— Бросаем его! — Дитина в спортивном костюме, тот самый, что хотел кидать кирпич, переступил через Женину руку и потянулся к выходу. — Мы не успеем!

Кира посмотрела на Женину вывернутую стопу, потом на приближающуюся тень босса. За дитиной пока не пошла. Спорить с ним не собирался: ещё несколько слов, и сам же потрачу время, которым он прикрывался. Нам нужны руки под Женей, не спор над ним.

Я перекинул трубу на плечо, придерживая подбородком, и присел к Жене. Пётр держал её второй конец, пока мы подхватывали раненого.

— Пётр, хватай его за правую руку. Я за левую. Остальные, подхватите ноги. Несём. — Я поднял его за левое предплечье, дождавшись, пока Пётр захватит правое.

Женя визжал, его вес тянул руки вниз. Приходилось смотреть под ноги, чтобы не зацепить его щёбнем, и ждать, пока остальные сделают шаг вместе со мной. У бетонного блока сам уже хватал воздух ртом. Дотащили. Теперь бы ещё вдохнуть нормально, прежде чем разворачиваться к проходу. Кира молча подставила своё плечо, помогая одному из парней удерживать Женину ногу. Я успел только кивнуть ей: воздуха на спасибо не осталось. Она приняла на себя часть веса, и мы с Петром смогли поднять Женю выше щёбня. Ещё у ворот Кира вырывала Петра из моих рук. Теперь сама несла с нами.

Мы загнали всех в узкий карман между блоком и стеной гаража. Старый фундамент выступал через проём мастерской, упираясь одним концом в техническое помещение с пожарной дверью. За ней я помнил лаз к канаве, но до двери нужно было пересечь проход перед боссом. Здесь трубе будет упор. Отсюда не убежать дальше, но здесь можно стоять.

Обернулся к проходу. Сквозь полумрак различил «Слюну»: приближалась медленно, водила носом из стороны в сторону. Чавкнет, замрёт, снова чавкнет. Хотелось отойти от этого звука глубже за блок, но тогда оставлю ей весь проход.

Наши шаги грохотали, трубы падали — гребень не поворачивался за ними. Женя всхлипнул, и он тут же дёрнулся. Пётр зашептал, успокаивая Женю; босс развернулся к его голосу. Вот этого в старых отчётах я не прочитал. Сейчас сам видел, за каким звуком она идёт.

Значит, ей нужен наш вдох. По шагам ещё не нашла, зато Женин всхлип и Петров шёпот уже поворачивали гребень. Сердце колотилось так, что слышал его сам. Ещё вдохну погромче — и приведу её прямо к нам.

— Молчать, — я приложил палец к губам, глядя прямо в глаза Киры, и едва шевельнул ртом. — Все дышать неглубоко. Медленно и тихо.

Холод прошёл вдоль позвоночника. Этого в отчётах я не нашёл; теперь собственное дыхание могло выдать всех семерых. Едва набрал воздух, показал Кире, как мало нужно для вдоха. Кира попробовала повторить за мной. Плечи опустились, воздух прошёл почти беззвучно. Остальные смотрели на неё — хорошо, пусть делают так же. Четыре минуты. Я уже не просил от них ни смелости, ни веры в меня; только этот короткий вдох, раз за разом.

Подолы дрожали на земле. Вибрация поднималась к позвоночнику, мешала распрямиться; вдох тоже пришлось проталкивать через сдавленное горло. Семеро теснились за моей спиной. Слышалось их открытое ртом дыхание, шепелявый свист. Даже сквозь гул различал его — гребень твари тем более услышит.

— Дышите животом, — я отвёл трубу локтем и опустил свободную ладонь, показывая: тише. — И молчите совсем. Она ловит каждый вдох быстрее, чем шаги.

Пётр Смолин стоял ближе всех ко мне. Куртка хлопала по его плечам — так его трясло. С трубы в моей правой руке он переводил взгляд на проход, потом опять на трубу. Этот взгляд я помнил ещё у ограды, двенадцать лет назад: страшно, а всё равно тянется туда, где убьют.

— Я пойду первым, — он шагнул к моему плечу и потянулся за трубой. Голос сорвался в хрип. — У неё нет брони спереди, я видел...

— Нет, — я перехватил его запястье, прежде чем пальцы коснулись древка.

Я развернулся. Лица новичков были белыми, серыми от пыли. Кира Вьюхина прижимала к груди раненого парня, того самого, который подвернул ногу в гараже. Её глаза были узкими щелками. На трубу она смотрела так же пристально, как на меня. Стоило мне повернуться к ней, её губы сжались: нового спора сейчас она не начинала.

— Пётр, — я развернул его за плечо к люку. Тот вздрогнул. — Иди туда. Встань над люком. Прижми крышку арматурой. Если мелочь полезет снизу — бей по крышке. Не открывай её ни в коем случае. Это засов. Ты — засов.

— Но... — Он потянул плечо из-под моей ладони, всё ещё глядя на проход.

— Ты хочешь быть героем? — Я упёр ладонь ему в грудь, отсекая дорогу к проходу, и посмотрел прямо в лицо. Там, где раньше я помнил только мёртвое тело с обугленным лицом, сейчас билась живая кровь, пульсировала жила на шее. — Герои умирают первыми. Засовы живут дольше всех. Марш.

Петя посмотрел на люк, потом на Киру с раненым. Перестал тянуться к пике и опустился на колени у ржавого прямоугольника в полу. Схватил тяжёлую арматуру, лежавшую рядом, завёл её под выступ на раме.

— Снизу не пушу, — выдохнул он, наваливаясь на крышку. — Ты сверху смотри.

На люке он перестал оглядываться на мою трубу. Теперь обе руки держали арматуру поперёк крышки; если что-то ударит снизу, встретит именно его засов.

— Остальные, — я ткнул пальцем в сторону стеллажей с автозапчастями, которые стояли у стены. — Стройте частокол. Между нами и коридором. Железом внутрь. Тишина.

Пока они возились, скрежет металла о металл звенел слишком громко, я вернулся к своей позиции. Комель посадил к бетонному блоку. За спиной семеро, передо мной узкий проход — труба займёт его раньше, чем тварь дотянется до людей. В открытом поле ни длина, ни такой упор не спасут. Здесь хотя бы могу выбрать место, куда она подставит себя.

Гул нарастал, и я сглотнул, пытаясь освободить уши. Не помогло. Зато теперь слышалось, с какой стороны давит сильнее: прямо из нашего прохода. Я перехватил трубу, проверил комель у бетона. «Слюна» шла сюда.

Из тени коридора вылетело нечто. Сначала показалось, что это кусок мяса, сброшенный с высоты. Хвост-плеть. Четырёхметровый отросток, покрытый слизистой бронёй, ударил в угол нашего укрытия.

Блок вздрогнул. Каменная крошка посыпалась на голову одному из новичков. Тот вскрикнул, но Кира успела зажать ему рот ладонью. Плеть дёрнулась обратно, оставляя на бетоне глубокую борозду, из которой сочилась едкая жидкость.

Она вошла в карман.

Аварийные лампы и синие всполохи разлома выхватывали эту тушу из полумрака. Смотрел на неё поверх трубы: слизняк в хитиновых доспехах, огромный, а бить придётся мне. Голова медленно поворачивалась, водила гребнем над проходом. Из-за блока мог рассмотреть её всю. Успокаивающего в этом не было ничего. Гребень повернулся к нашему карману, и пришлось остановить воздух в горле. Ещё вдох — и наведётся на меня.

За край блока переступил боком, выставив трубу раньше себя. Ладони скользили на холодной стали; пришлось сдвинуть хват к сухому участку и только тогда выпрямиться.

Гребень дрогнул и повернулся ко мне. Я замер с выставленной трубой. Своего пульса в ушах уже хватало, чтобы захотелось отступить; как тихо ни дыши, сердце не остановишь. Тварь поймала меня по этому звуку. Теперь отводить её придётся самому.

— Эй, — я выставил носок трубы перед её мордой и отступил на полшага от блока. Шёпотом. Но в этой тишине слово прозвучало как выстрел.

Тварь зарычала низкочастотно, вибрируя всем телом.

Шагнул к ней, дождался поворота гребня и сделал второй шаг. Прыжка пока не было. В чужих отчётах двенадцать лет назад она тоже сперва оценивала угрозу, потом загоняла и

добивала. На эту задержку и рассчитывал: успеть проверить броню, прежде чем она проверит меня. Чужой отчёт рукой не ударит, а этим телом я ещё ни разу такого не делал.

Прыгнул недалеко, на пару метров, к её левой передней лапе. Прежде чем совать голову под челюсть, нужно было понять, сколько выдержит эта труба. Труба ударила вниз.

Скрежетнуло, потом труба стукнула о панцирь и отдала в запястье. Развернуло кисть; по ладони прошлась боль, кожу у складки разорвало. Пальцы сразу стали мокрыми, горячими. На носке осталась глубокая вмятина. Броня цела. Вот и проверил, блядь: мне кровью платить, а ей даже трещины.

Тварь дёрнулась. За новым замахом потянулся хвост — пришлось уходить. Он снёс стоявшие сбоку пустые бочки из-под масла. Одна бочка раскололась, выплёскивая остатки смазки.

Я откатился за блок. Рука горела.

— Геометрия, — я согнул разбитые пальцы вокруг трубы и упёр её в бетон. — Не сила. Геометрия.

Броня была сплошной. Кроме одного места. Голосовая связка. Под челюстью, там, где шея переходила в грудь, находился мягкий мешок, раздувающийся перед криком. Именно через него она выпускала ультразвук. В первой линии мы теряли целые группы новичков, потому что пытались пробить панцирь. Мы думали, что убивает их оглушение. На самом деле убивал сам факт крика. А окно для удара было меньше секунды.

«Слюна» начала движение. Она ползла в нашу сторону, оставляя за собой влажный след. Новички за моими плечами задыхались. Я слышал, как скрипит зубами Пётр, сидящий на люке.

Я подхватил свою старую ветровку с края блока. Снял её перед боем, когда понял, что ткань мешает движению пики; паспорт и телефон переложил в джинсы. В рукав сунул короткий обломок арматуры и завязал ткань узлом над ним — маленький грузик, чтобы куртка лучше летела.

Когда голова твари поднялась, приплюхиваясь, я метнул куртку вправо, в темноту бокового прохода.

Рукав расправился в полёте, и на секунду я испугался, что узел развяжется. Нет, арматура ударила об пол там, куда метил. Хвост тут же ушёл следом. Хрустнул поддон, в проход полетели щепки; я успел прикрыть лицо плечом, не отводя взгляда от головы.

Голова повернулась за звоном арматуры, гребень затрясся сильнее. По этому дрожанию я помнил, что будет дальше. Сейчас раздует мешок — тогда его можно будет достать. Нельзя опоздать ни на шаг.

Я дождался, пока гребень перестанет смотреть на наш карман, и оттолкнулся от блока. После такого звона тварь ещё будет искать источник; этого времени хватит добежать до неё. В сторону я бы сейчас не успел уйти — бежал прямо к боку. Масло скользило под ногами; я ставил подошвы на сухую крошку у стены, экономя последние шаги до прыжка.

«Слюна» начала разворачиваться ко мне, когда я уже добежал до её бока. Всей этой массой могла накрыть меня на месте — прыгнул, пока оставался просвет.

Ноги нашли опору на влажном боку существа. Слизь была скользкой, как мыло, но я вцепился свободной рукой в неровность хитинового покрова. Пика была зажата под мышкой.

Хвост ударил в бедро, и ноги на миг перестали держать. Край панциря остался в левой ладони; висел на ней, пока чёрные пятна перед глазами не начали расходиться. Зубы стиснул до хруста. Ещё один такой удар — и сорвусь, а ниже уже бетон.

— Держись! — Я прижался грудью к панцирю, вцепившись левой рукой в край пластины; хвост снова прошёл у самого бедра.

Я карабкался по спине монстра, используя трубу как ледоруб. Каждый раз, когда скользил, втыкал носок пики в стык пластин. Металл скрежетал, искры сыпались в лицо. Непробуждённое тело ныло, мышцы кричали от перегрузки. Я чувствовал, как натягиваются связки на предплечье.

Существо начало заваливаться на бок. Подо мной уходила опора, сбоку росла серая полоса бетона. Сейчас прижмёт меня к полу вместе с трубой, если не переберусь к шее.

В этот момент гребень носа дёрнулся. Шея напряглась. Воздух вокруг головы начал вибрировать.

Выдох начался.

Мы находились на уровне трёх метров над землёй. Я перебрался к основанию шеи. Под левым локтем была широкая пластина брони; впереди, за краем нижней челюсти, набухал тот самый розоватый мешок. Чтобы достать его, придётся соскользнуть с хребта вперёд.

Время замедлилось — так мне казалось всякий раз перед ударом, когда от всего боя оставалась одна цель. Прежней силы В-ранга в этом теле не было; двенадцать лет привычки смотреть в нужную точку остались. Я видел, как расправляется кожа на мешке. Слышал, как гул в нём становится выше.

У меня была одна секунда. Может, две.

Я перевернул трубу остриём вниз. Левая рука, та, что была цела, толкнула меня вверх, правая, разбитая, сжала древко до побеления костяшек.

Совместил носок трубы с мешком. Древко держалось в разбитой ладони; сильнее уже не сожму. Дальше продавлю собой. Внизу семеро, и крик до них я сейчас не пушу.

Я обрушился всем корпусом вниз, на эту набухшую плоть. Носок заточенной трубы встретил сопротивление кожи, потом хруст хрящей, потом теплую влажность внутри.

Крик оборвался на полувдохе.

Вместо крика забулькало. Если бы опоздал, крик разорвал бы семерым внизу внутренности. Теперь воздух рвался через мою дыру в мешке. Остаток всё равно ударил в стороны. Почувствовал толчок, потерял опору; со спины меня сорвало раньше, чем успел прижаться к панцирю.

Тварь уже заваливалась к блоку; толчок бросил меня в ту же сторону. Я пролетел метра два и врезался спиной в бетонный блок.

Блок ударил между лопаток, и на секунду я перестал понимать, где пол. Моргнул — туша всё ещё передо мной, только расплывается. Слышал один звон. Попробовал сглотнуть, во рту оказалось полно крови: при падении опять разорвал прикушенную щёку.

«Слюна» рухнула. Её тело билось в агонии, разбивая стены гаража, ломая машины, но больше не издавая звуков. Только мокрый хрип и скрежет когтей по асфальту. Из раны под челюстью хлестала черная жижа.

Я сполз по боку блока вниз, сев на холодный бетон. Ладонь правой руки была в крови. Кожа лопнула вдоль складок, и каждый палец отзывался болью, когда я пробовал согнуть его. Попробовал сжать пальцы ещё раз и сразу бросил. Ладонь отозвалась до самого локтя; я прижал запястье к животу и сидел, пока не смог вдохнуть. За спиной стало тихо, слишком тихо для семерых, которых я оставил за блоком.

Слышалось, как кровь капает с пальцев на бетон. Моё дыхание било в уши; за блоком никто не говорил. Пришлось поднять голову, проверить: они ещё там?

Из-за угла блоков выглянули лица. Сначала Кира. Потом Пётр. Оба замерли у края укрытия, не подходили ближе. Между нами в луже собственной слизи лежал тот, от кого они только что прятались; лапа ещё дёргалась. Я тоже смотрел на неё, ждал следующего движения.

Я попытался улыбнуться, но губы были в крови.

— Она мертва, — я поднял подбородок к её голове: мешок спался, гребень больше не дрожал. Голос звучал чуждо, хрипло.

Прошло пять секунд. Десять. Последняя судорога прошла по лапе и затихла. Перед глазами вспыхнула строка Системы: «ПРОБУЖДЕНИЕ. РАНГ Е.» Я моргнул, а она осталась. В первой жизни мне дали этот ранг на вербовке. В этой я взял его над мёртвым Е+.

Пётр заорал, и мелочь за пределами кармана вздрогнула на этот звук. Я уже хотел велеть ему заткнуться — а он смеялся. Захлёбывался, хватал воздух, снова смеялся. С люка соскочил прямо ко мне; я приподнял здоровую руку, и Петя остановился в шаге, разглядев кровь. Как же приятно было услышать его смех вместо того крика, который я помнил.

— Ты... — он смотрел на меня, как на привидение. — Ты живой?

— Почти, — я показал ему левую ладонь: не хватай за правую.

Кира подошла ближе, посмотрела на спавшийся мешок под челюстью твари, потом на мою разбитую ладонь. Я ждал нового «кто ты такой», но она уже приседала рядом. Осторожно, будто до конца не верила, что после такого со мной можно разговаривать. Пусть боится. Только теперь она боялась не моего приказа: тот вывел её к живым, а тварь оставил на бетоне.

— Как ты это сделал? — Она присела рядом, придерживая меня за локоть, и кивнула на пробитый мешок.

— Знал, куда бить, — я отодвинул локоть, оставляя ей место рядом с собой.

Я очень хотел жить. Поэтому и запомнил те отчёты, каждую схему под челюстью. Теперь Кира держала меня за локоть, Пётр топтался рядом, остальные выбирались из-за блока. Семеро. Все семеро. В первой жизни я видел их на земле; в этой они стояли выше меня и ждали команды. Я вытер рот краем футболки и усмехнулся. Вот теперь — моя очередь менять отчёты.

Кира ещё держала меня за локоть, когда бетон под нами качнуло. Я посмотрел на тушу: уже не дёргается. Тогда откуда? Через подошву шёл толчок снизу, и я перестал пытаться встать, пока не понял, что происходит.

Глава 3

Под тушей мертвой твари, там, где её хвост-плеть разбил асфальт до грунта, образовалась трещина. Из трещины тянуло жаром. Горячим, сухим воздухом, пахнущим серой и раскаленным металлом.

Я поднял голову.

Край провала осыпался. Я видел, как асфальт над ним провисает, потом ещё кусок уходит вниз. Хотелось оттащить Киру подальше, а сам всё ещё сидел у блока. Земля под мёртвой тушей расходилась, не собиралась закрываться.

— Вторая пасть, — я оттолкнулся левым локтем от блока, поднимаясь на колено.

Новички замолчали. Все семь пар глаз уставились на дыру в земле.

— Это не вход, — Кира потянула меня за локоть прочь от трещины. — Это выход.

Я посмотрел на свои окровавленные руки. Пика лежала рядом, с вмятиной на носке и царапинами вдоль древка. Я притянул её левой рукой, опираясь на трубу, чтобы встать. Ещё послужит. Дальше нужно будет искать второй выход.

Линия съехала. В прошлый раз, двенадцать лет назад, «Слюна» умерла быстро, и разлом стабилизировался. Сейчас вторая пасть раскрывалась раньше. Я убил босса до того, как его добила охрана в первой линии, — и не знал, ускорил ли этим провал или он тоже сдвинулся сам. Провал под ней рос.

И если мы хотим выйти отсюда живыми, нам нужно решить: бежать или идти внутрь.

Я набрал воздух для команды и не произнёс ни слова. Снизу стукнуло. Металл о стенку шахты, пауза, снова удар. Я прислушался, удерживая пику перед собой: на случайное обрушение слишком ровно, а на крик твари совсем не похоже.

И этот ритм я узнал. Так стучали рейдеры, когда их ловушки срабатывали неверно. Так стучали, когда просили помощи.

Но в этой части разлома не должно было быть никого. Кроме нас.

Я подошёл к бетонной стене гаражного ряда. Стук из шахты отдавался в ней короткими ударами. Кто просил помощи внизу, я не мог разглядеть — туша закрывала провал. Сначала выведу своих от края, потом решу, можно ли подойти. Левую ладонь поднёс к бетону и замер: плиту то отпускало, то выпирало ко мне. Успеть бы отвести ребят, пока она держится.

Сжал пальцы и снова приложил ладонь. Холодный бетон мелко дрожал; от этой щекотки хотелось немедленно отдёргнуть руку, а мне надо было дослушать, что происходит внутри. Дрожь на секунду пропадала. Я уже собирался отнять руку, а плиту снова толкало — сильнее. В старом отчёте я помнил три минуты: «Слюна»дохнет, от провала расходятся трещины, затем плита лопается. На эту передышку и рассчитывал, когда поднял трубу. Но здесь трещины то притихали, то отзывались глухим хрипом. Ни за что не стал бы стоять у этой стены, если бы за спиной не толпились семеро. Три минуты из старого отчёта эта стена мне уже не обещала. Я прижал ладонь плотнее, ловя дрожь. Хотелось получить ещё немного времени, хотя бы на то, чтобы все повернулись ко мне. Но бетон под пальцами торопил — командовать придётся сейчас.

— Уходим! — Я ткнул трубой в проход за блок, не оборачиваясь. Голос сорвался — я выдавил команду снова, сквозь саднящее горло. Так орал двенадцать лет в рейдах, где крик босса убивал раньше пули. — К блоку! Лица в бетон! Сейчас!

За спиной стояли семь человек. Пётр, Кира и ещё пятеро новичков, которых я вытащил из мясорубки первого кольца. Кира ждала, что я объясню, что случилось. Пётр смотрел на мою поднятую ладонь, остальные переводили глаза с меня на тушу. Для них я уже один раз угадал, куда бежать; теперь орал у стены, возле которой ничего не происходило. Никто не двинулся. Пока я считал их неподвижные лица, бетон снова толкнулся мне в пальцы.

— Ты чего орёшь? — Кира отшатнулась, прижимаясь спиной к воротам соседнего гаража. Она смотрела то на мою трубу, то на тушу за спиной. Заставить её отвернуться от стены пока не получалось. — Там же... там же мёртвая тварь лежит! Мы её убили! Зачем нам бежать?

Пётр тоже замер. Он держал в руках обломок арматуры, которым он прижимал крышку люка, и смотрел на меня так, что мне захотелось встряхнуть его за плечи. Расслабился, Петя. Рано же, рано. Мне знаком был этот взгляд: тварь лежит, оружие можно опустить. После первой такой передышки я когда-то потерял напарника. Пётр всё ещё держал обломок на весу и ждал, что я тоже успокоюсь.

Я повернулся к ним. Сердце колотилось где-то в горле, во рту стоял металлический привкус. За шумом собственного дыхания я пропустил начало дрожи; точную секунду поймал сейчас, по трём коротким ударам под ладонью. Такой ритм шёл перед прорывом стены в первой жизни. Счёт ещё оставался.

— Двенадцать, — я выставил левую руку перед курьером, не давая ему подойти к стене. После собственного крика я едва узнал свой голос. Раненый сопел за спиной, штукатурка сыпалась у ладони; курьеру я называл секунды, а сам следил за щелью между его плечом и стеной. — Одиннадцать. Десять.

— Дима, прекрати истерику, — сказал один из семерых, здоровый парень в куртке с логотипом доставки. Он сделал шаг ко мне, протянув руку, будто хотел схватить за плечо, увести прочь от стены. — Мы выходим. Охрана Реестра уже близко. Не надо тут фокусов показывать.

— Девять, — я схватил курьера за рукав и потянул вместе с собой к блоку, не сбивая счёт. Ещё шаг к стене — и он попадёт в зону поражения первым. А значит, группа рассыплется. — Восемь. Семь. Шесть.

Рука курьера коснулась моего плеча. Я толкнул его к остальным и прижал Киру к блоку левой ладонью. Пальцы курьера скользнули по ткани футболки.

И в этот момент стена взорвалась.

Не громко. Не с грохотом. Она просто лопнула, как переспелый гранат, выпустив наружу струю горячего пара и осколки бетона. Курьера, уже у края блока, отбросило назад волной воздуха, он упал на спину, захлебнувшись криком. Но крик его был заглушен другим звуком — влажным, булькающим шлёпаньем миллионов ног, вываливающихся из пролома.

Вторая пасть «Гаражей» открылась.

На полсекунды я перестал слышать даже раненого. Кира смотрела на пролом, прижав ладонь к блоку; Пётр раскрыл рот, но ничего не сказал. Чёрная слизь стекала туда, где они только что стояли. Я видел, как курьер, ещё лёжа, подтянул ноги за край бетона. Наконец понял, зачем я его тащил.

Я стоял, тяжело дыша. Я успел. Курьер валялся у блока, а бетонные осколки хлестали там, где он только что стоял. Я хотел ухмыльнуться ему: ну что, фокусы? — и вдруг холодно, липко сжался живот. Потому что пока я считал секунды, я чувствовал, как из головы вытекает что-то важное. Попробовал вспомнить, что именно, — и не нашёл даже слова для этой пропажи. В В-ранге на свою память я ставил жизни. Сейчас боялся проверить её ещё раз: вдруг следующего поворота тоже не окажется.

— Бегите! — Я подтолкнул курьера за блок и перегородил собой прямой путь к провалу; голос был сухим, хриплым. — За блок! Быстро!

Они побежали. На этот раз ждать их мне не пришлось. Курьер протиснулся за блок первым, остальные теснили друг друга плечами. Теперь каждый слышал мой хрип; ещё несколько секунд назад для них он был истерикой. Я проводил взглядом последнюю спину и сам придвинулся к укрытию. Кира схватила раненого за рукав, таща его на себе. Пётр обернулся на последнем шаге. Его лицо было искажено гримасой ужаса и недоверия. Он смотрел на меня, и я пытался вспомнить цвет его глаз.

Серые? Карие? Синие?

В голове всплыл образ Петра Смолина, лежащего под синим светом первой линии. Мёртвого. Раздавленного. Но лица... лица не было. Точнее, оно было, но пустое. Одежду помнил. Синий отблеск на ткани — тоже. А выше воротника начиналось такое, на что я не мог заставить себя смотреть дольше секунды. Сейчас я видел его глаза, мог бы назвать цвет, если бы он постоял спокойно. Исчез цвет на старом, мёртвом лице из первой жизни. Маленькая деталь, которую я двенадцать лет таскал с собой. До рывка к стене я мог вызвать этот старый образ с закрытыми глазами. Сейчас смотрел на живого Петра, пытался восстановить прежнее лицо по нему — и не мог. Стена лопнула, а вместе с ней пропала та мелочь, которую я никогда не записывал.

Отвращение скрутило желудок. Я потерял часть старого образа. Что ещё исчезло — проверю, когда выйдем. Схема гаражей оставалась в голове, разлом оставался справа, технический лаз — за пожарной дверью. Я стиснул трубу левой рукой. До выхода мне хватит.

Из провала полезли твари.

Это были не мелкие «слюнки», которых мы гоняли болтами по эху. Вторая волна. Смотрел на широкие тёмные спины и прикидывал, сколько их влезет в проход. Панцири блестели от слизи, лапы заканчивались не когтями, а присосками, оставляющими на бетоне мокрые следы. Рычать эти не собирались: шипели разом, и от этого хотелось прижать ладони к ушам. На боках открывались жабры, оттуда вырывался пар. Запах горячего металла ударил в нос — смесь серы, гари и прелой воды.

Они двигались быстро, заполняя проход сплошной массой. Если они доберутся до наших, нас раздавят в лепёшку за двадцать секунд.

Разбитую ладонь сжимать не пытался. От удара о броню «Слюны» кожу содрало до мяса; пока мог терпеть, но трубу всё равно держал левой. Где укрыть остальных? Рядом, буквально в метре от меня, висела пожарная дверь. Тяжёлая, стальная, ведущая в техническое помещение гаражного кооператива. Обычно она была заблокирована цепью, но цепь лопнула от вибрации при открытии пасти.

Дверь. Засов.

Я толкнул её от себя. Петли скрипнули, высекая искры. Дверь была тяжёлой, почти два метра высотой, толщиной с палец. Я загнал семерых за створку, к выступавшему из стены краю блока, и вошёл последним. Захлопнул дверь за собой в раму, отрезая провал от технического помещения. Первыми ударились в неё две твари. После удара в ушах ещё звенело, когда по щелям потекла слизь. Краска под ней сморщилась. К этой дряни голой рукой лучше не прикасаться. Я повернул трубу поперёк створки: нужен упор.

— Трубу! — Я толкнул древко к Петру, который всё ещё топтался за бетонным блоком в двух шагах от двери. — Сюда трубу! Быстро!

Петя взял пику, но я её не отпустил, пока он не сжал древко обеими руками. Тогда Петя пробежал к двери; пальцы тряслись на металле, взгляд скакал между мной и щелью. Видел, что надо закрыть, не знал чем.

— Куда? — Он упёр тупой конец в пол, готовясь поставить распорку, и поднял на меня глаза.

— Под низ! В скобу! — я толкнул его плечом. — Держи засов!

Он понял. Пётр завёл носок трубы в нижнюю скобу на створке, уперев второй край в бетонный блок. Теперь дверь не могла открыться внутрь. Я посмотрел на нижнюю скобу: носок трубы сел в неё, а тупой конец упёрся в бетон. Пока Петя удерживал этот угол, створке было некуда идти. Под первый удар я всё равно подставил плечо — одной трубе свою шею доверять не хотелось.

Первый удар сотряс всю конструкцию. Тварь вцепилась в верхний край двери, пытаясь отогнуть сталь от рамы. Второй удар пришёлся в центр. Металл прогнулся внутрь. Я видел, как напрягся Пётр, как побелели костяшки его пальцев на конце трубы.

— Держи! — Я навалился левым плечом на створку рядом с ним. — Не отпускай!

Если он отпустит, дверь откроется. Если он отпустит, мы все умрем.

Третья волна ударила снизу. Присоски заскользили по стали, издавая противный звук, похожий на стирательную резинку по асфальту. Дверь качнулась. Пётр заскулил от усилия.

Я держал створку левым плечом и чувствовал каждый удар раньше, чем слышал его. Всё в одну точку. Петя мог ещё удержать трубу, пока твари не догадались навалиться сбоку. Им хватало злости, а мне — двенадцати лет за такими дверями. Я повернул голову к погнутому косяку, не отнимая плеча: надо было увидеть следующую атаку до удара.

У щели пришлось пригнуться ещё ниже. Что-то синее мелькнуло между телами; я чуть не пропустил его, когда дверь снова ударила в плечо.

Сквозь щель у погнутого косяка я различал массу тел, напирających на дверь. Одна тварь отличалась. Она была чуть меньше остальных, но её грудная клетка светилась. Света едва хватало, чтобы отличить её от соседних. Придвинул щеку к косяку, проверяя, не чужой ли это отблеск, — нет, грудь у неё действительно светилась. Свет пробивался сквозь хитин, ритмично пульсируя в такт её движениям.

Осколок ядра.

В первой линии я вынимал ядра из брюха таких тварей после боя, вскрывая панцирь. Здесь светился уже выступивший срез на груди. Я повернул голову ниже, примеряя щель: достану, если Петя на миг ослабит упор. Вскрывать потом всю стаю у меня ни сил, ни времени не будет. Эту можно заставить подставиться прямо сейчас.

— Пётр! — Я прижал его локоть к трубе и показал подбородком на светящуюся грудь за щелью. — Когда она ударит сильно... дай слабинку. Только на секунду.

— Что?! — Он подался всем телом на трубу, закрывая щель перед моим лицом. — Она же нас порвет!

— Дай слабинку, я сказал! — Я показал левой ладонью короткий зазор между створкой и рамой. Повторять ещё раз я не собирался: за спиной Петя упирался в трубу, а передо мной тварь уже подтягивала лапы к створке. Петя перевёл взгляд с моей ладони на щель и стиснул трубу крепче. — Доверься мне. Или беги сам.

Пётр сглотнул. Посмотрел на Киру, которая прижимала раненого к груди. Посмотрел на меня. И кивнул.

Левую ступню отвёл назад и проверил, не скользит ли подошва. Петя заметил движение. Только бы не ослабил сейчас, решив, что я уже полез.

Удар. Дверь задрожала. Пётр не двигался.

Удар. Ещё сильнее. Труба закрипела. Пётр напрягся, удерживая вес.

Пауза. Тишина. Тварь готовила разгон.

За щелью хрипнуло так близко, что я отстранил щеку. Под подошвой вздрогнул пол; теперь слушать Петю приходилось через этот свист. Она шла в атаку всем весом корпуса. Хват я уже выбрал. Теперь нельзя было дёрнуть Петю раньше удара: ослабим упор — стая вдавит створку нам в плечи. Я дождался, пока хрип приблизится к самой щели, и поджал ногу для рывка.

Удар!

Звон петель прошёл прямо через зубы. Створка вдавилась мне в плечо; я отлип от неё, едва не оставив на стали кожу. Пётр, по команде, ослабил хват. Труба вышла из скобы; Пётр сдвинул её конец по полу. Дверь открылась на ширину плеч; Пётр упёр трубу заново, не давая створке смять меня.

Через эту щель я увидел светящуюся грудь твари. Она напирала грудью на край створки, почти касаясь рамы. Её лапища с присосками шаркала по бетону, ища опору для следующего прыжка.

Я выбрал тварь ещё до удара. Когда створка подалась, повернулся левым плечом в зазор; Пётр удерживал дверь трубой за моей спиной.

Я упал на колени, просовывая корпус в открывшуюся щель. Холодный бетон разорвал колено. Запах гнили ударил в лицо, забивая лёгкие. Прямо передо мной была светящаяся пластина. Я протянул левую руку и впился пальцами в стык панцирных пластин на груди твари. Правой, разбитой, придержал край пластинки снизу. Трубу всё это время удерживал Пётр.

Пальцы обожгло. Шершавый край держался, зато под ним пульсировала мягкая плоть; туда лучше не проваливаться, иначе хвата не будет.

Тварь дёрнулась. Лапа ударила выше моей головы. Не достала. Пока она искала меня там, у самой рамы, я вжался ниже и удержал пальцы в стыке. Ещё один такой промах, пожалуйста.

Под большим пальцем нашёлся твёрдый угол. Слизь мешала ухватить его, я вдавил ноготь в плоть рядом и сдвинул палец глубже. Держи теперь, левая, больше некому. Я ухватился за него двумя руками, упёрся ногами в раму и дёрнул.

Запястья свело; правое захотелось немедленно отпустить. Я смотрел на свой побелевший большой палец и тянул, пока кожа вокруг осколка не стала расходиться. Тварь зашипела, поднимая голову. Её челюсти клацнули в сантиметре от моей головы. Я вжал подбородок в плечо; ни шлема, ни воротника — одна футболка. Пасть раскрылась, показывая ряд мелких, острых зубов и язык, покрытый присосками.

Дёрнул снова. Под пальцами порвалось, по кисти потекло тёплое. Хват стало сносить к углу осколка — только не выскользни сейчас, столько уже вытащил.

В этот момент снаружи раздался новый удар. Дверь начала закрываться обратно. Пётр тянул трубу вверх, восстанавливая засов.

Если дверь захлопнется, я останусь внутри. Или буду раздавлен между дверью и тварью.

Я вцепился в осколок изо всех сил, используя остаток веса своего тела как рычаг. Панцирь хрустнул. Осколок отделился.

Синий кусок едва помещался в ладони. Перехватил его — грань врезалась в сорванную кожу. Горячий, зараза. Всё равно сжал: второго такого рывка я не сделаю.

Я упёр одну ногу в грудь твари, вторую в раму и оттолкнулся, падая назад, в щель двери. В этот же миг тварь рванулась вперёд, пытаясь достать меня челюстями. Её голова проскочила в щель. Зубы клацнули, захватив воздух.

Пётр с ревом натянул трубу. Дверь с грохотом закрылась.

Зубы твари оказались зажаты между дверью и рамой. Вой заложил мне уши. Я видел, как у Пети дёрнулась челюсть, но услышать его уже не мог. Тварь рвала шею из рамы; за каждым её рывком следил, упираясь пятками в пол, чтобы отползти подальше. Её шея была придавлена сталью.

Я лежал на бетоне, задыхаясь, прижимая светящийся осколок к груди. Руки дрожали. Костяшки были разбиты, кожа содрана. Но голову она не достала. Я донёс осколок до своей стороны двери.

— Ты... ты живой? — прошептал Пётр, заглядывая мне в лицо. Он наклонился почти вплотную. Хотел, наверное, услышать дыхание; собственного хрипа мне хватало и без этой проверки.

— Да, — я отполз от створки, прижимая осколок к животу. Голос сел. — Открывай лаз. Нужно уходить.

Кира остановилась возле моей ноги. Сначала посмотрела на дверь, потом на синие грани у живота. Оглянувшись ещё раз, присела — от осколка её уже не оторвёшь.

— Это ядро? — Она наклонилась к моей руке, но отдёрнула пальцы от горячей грани.

— Это кусок проблемы, — ответил я, поднимаясь на ноги. На подъёме пришлось выждать, пока прострел в колене отпустит. Стою. Кира рядом, можно не показывать ей, как хочется сесть обратно. — И наша страховка.

Мы ушли от двери вбок, через технический проход, который я заметил ещё до открытия пасти. Под вентиляционной шахтой в лаз приходилось протискиваться боком, обходя старый хлам. Спину царапало, щекой тёрся о бетон. Терпи, до выхода можно доползти. Снаружи слышался скрежет металла — тварь всё ещё пыталась вскрыть дверь. Каждый раз, когда снаружи скрежетало, я ждал, что кто-нибудь обернётся и застрянет в лазе. Пока все ползли дальше. Выход был впереди, за спиной ничего спасти уже не требовалось.

Выход из зоны обрушения был рядом. Канавы вдоль гаражей, ведущая к внешнему периметру, где дежурил Реестр.

Мы шли быстро, пригибаясь. Раненый напарник хромал, поддерживаемый двоими другими. Пётр нёс мою пику. Когда остальные пролезли в лаз, он выдернул распорку, и я удержал дверь плечом, пока он полз; створку заперло на застрявшей твари. Трубу он первым протолкнул в лаз. Я ушёл последним, уже не касаясь двери: голову твари сталь держала даже без упора. В канаве сперва проверял землю носком, затем подтягивал к груди осколок, прижимая его к футболке. Осколок обжигал грудь; шорох позади заставлял меня оборачиваться, пока не убеждался, что это шаги Петра, а не лапы. У третьего бокса не повернул сразу — посмотрел вдоль канавы. Забор стоял там, где помнил. За ним увидел турникет. Три ориентира на месте; на этот раз память не подвела, но ноги я переставлял осторожно.

Когда мы вышли на открытый участок, солнце било по глазам. Пришлось закрыть глаза локтем. Щурился, ругался вполголоса и радовался этой злости: на солнце я хотя бы мог просто пожаловаться, не считая секунды до его удара.

У турникета стояли люди в форменных комбинезонах Реестра. Медики, охранники, администраторы. Толпа спасённых новичков смешалась с персоналом. Кто-то требовал паспорт, рядом плакали, и расслышать приказ не получалось. Хотелось ткнуть в раненого: ему носилки нужны, а не очередь. Но медики были уже здесь — теперь можно дожидаться их, а не тащить всё самому.

Нас остановили.

— Стоять! Все гражданские лица — в очередь на проверку! — Мужчина в жилете безопасности перегородил турникет рукой и направил нас к колонне.

Мы встали в хвост колонны. Я завернул осколок в край футболки и держал у живота. Кира стянула свою ветровку и сунула мне: рукава завяжешь, будет свёрток. Я спрятал синюю грань в ткань. Он давил на рёбра, тепло проходило сквозь два слоя. На плечах у Киры осталась тонкая кофта; я протянул ей свободный край ветровки, чтобы прикрыла себя от ветра, но она отмахнулась: потом.

Проверяли документы. Или их отсутствие. Большинство новичков имели при себе телефоны, паспорта. У меня были телефон и паспорт, спасённые из ветровки перед боем.

Перед нами стояла девушка. Молодая, лет двадцати трёх, с планшетом в руках. Волосы собраны в небрежный пучок, выбившиеся пряди падали на лицо. На очередного новичка она подняла глаза с таким видом, что я приготовил паспорт заранее. Пальцем листала списки; уставать могла сколько угодно, ни одного лица при этом не пропускала.

— Имя, фамилия, год рождения, статус Пробуждения, — она провела пальцем по пустым полям, не поднимая глаз.

— Дмитрий Александрович Пырьев, — я положил паспорт на край планшета, придерживая свёрток левой рукой. — Двадцать два года. Е-ранг. Активирован сегодня.

Девушка подняла голову. Её взгляд прошёлся по мне. По моему лицу, по порванным рукам, по свёртку с пятнами слизи. Она задержалась на моих глазах дольше обычного.

— Е-ранг? — Она перевернула паспорт на разворот с фотографией, ещё раз сравнивая лица. Она подняла взгляд с фотографии на мою разбитую правую ладонь. Я не стал помогать ей считать, сколько раз за день новичок успел влезть в драку. — Сегодня активирован?

— Так пишет Система, — я пожал плечами, делая вид, что не понимаю подвоха.

Она вернулась к экрану. Набирая данные, она вдруг остановилась. Посмотрела на меня снова.

— Вы вели группу, — она развернула планшет, показывая стоп-кадр: я перед блоком, за плечом Петя. Это не был вопрос. Вот откуда её взгляд: запись камер уже лежала перед ней.

— Я помогал людям выйти, — я сдвинул паспорт к себе, оставляя ей руки для планшета. — Просто оказался ближе к техническому лазу. Через него и вывел. — Я оставил паспорт у края, где мог забрать его сам: про вторую пасть и отсчёт ей уже рассказали камеры.

Уголок её рта дёрнулся. Паспорт можно было забрать, но она ещё держала перед собой кадр; на мою версию выхода через лаз, похоже, даже времени тратить не собиралась.

— Случайность, которая знает тайминг обрушения стен, — она увеличила кадр, коснувшись пальцем моей поднятой руки, больше для себя, чем для меня. — И которая умеет останавливать минибосса.

Я молчал, пока она держала мой кадр на экране. Если начну объяснять отсчёт, она добавит к нему ещё и мои слова. На фотографии я мог просто махать рукой. Объяснять, почему выбрал именно эту секунду, мне совершенно не хотелось.

Она набрала что-то на планшете. Потом, не глядя на меня, проговорила:

— Следующий! — Она смахнула мой кадр и указала на Петра за плечом.

Я кивнул и двинулся дальше. Пётр и Кира прошли мимо неё, называя свои имена. Она не задавала им вопросов. Только мне.

Глава 4

Когда мы отошли на безопасное расстояние, к зоне медблока, Пётр догнал меня.

— Она тебя запомнила, — он наклонился ко мне, заслоняя губы древком трубы.

— Пусть запоминает, — я забрал у него паспорт, который отдал подержать, пока сворачивал ветровку плотнее. — Лучше помнить имя, чем труп.

Я сел на лавочку, доставая телефон. Медик промыл мне правую ладонь и колено, наложил повязки; проверил пальцы — шевелятся, только не сжимать до вечера. Пётр присел рядом, сунул мне в карман дешёвую пластиковую зажигалку.

— На удачу, — он придержал оттопыренный карман, чтобы она не выпала. — Ты уж не потеряй.

Я подтолкнул её глубже левой рукой.

— После такого? Даже стыдно. — Я прижал ладонь к карману, пока он не убрал пальцы.

Кира забрала обратно свою ветровку, когда медик дал мне чистую тряпку для свёртка. Я дотянулся до Пети и взял пику за середину: моя. Остальные расселись у медблока, Женю двое донесли до носилок. Экран показал время. С выхода из гаражей прошло больше часа; я дважды проверил цифры, прежде чем убрал телефон. Возле медблока кто-то смеялся в телефон; я поднял глаза, даже позавидовал этому голосу. Сам ещё проверял, двигаются ли пальцы под повязкой. Сколько таких выходов выдержит рука? И сколько деталей из прежней жизни после них я уже не смогу назвать?

Дома было темно. Комната, из которой я выбежал утром, встретила тем же стулом и скомканным одеялом. В первой жизни я вскоре съехал отсюда в общежитие «Авроры». Сейчас ключ ещё подходил к двери, и хозяйка ещё ждала аренду. Я вошёл, включив фонарик на телефоне. Свет выхватил стол, стул, окно.

Я достал осколок. Положил его на столешницу.

В темноте комнаты он засиял. Мягкий, гипнотический синий свет. Такой же, как небо в момент открытия разлома. Я поднёс к свету левую ладонь: линии на ней посинели, грязь под ногтями стала почти чёрной. Убрал руку, и на столе снова остались только грани. Ещё сегодня я мог уйти от этих лучей с пустым карманом; теперь решал сам, где спрятать добычу.

Не убирал ладонь со стола, пока не перестал шуриться на синий свет. Здесь никто не протягивал ведомость и не просил отойти от добычи; к этому ещё надо было привыкнуть. В первой жизни такую фракцию у меня забрали бы на выходе под расписку, которая потом куда-нибудь делась бы. Сейчас он лежал на моём столе. Прикидывать выручку было приятно. Можно явиться в «Аврору» и не ждать, пока выдадут подачку на снаряжение. Я уже чуть не улыбнулся — и вспомнил, почему к осколку тянулся именно левой. А за потерянный цвет глаз сколько мне-нибудь заплатит?

Память.

В голове всплыл образ Петра. Его улыбка. Его жест. Улыбку удержал, жест тоже. На глазах всё опять сорвалось. Сидел и пытался различить цвет, пока не поймал себя на том, что уже сочиняю его, лишь бы не оставлять белое пятно.

Я взял тетрадь, купленную по дороге домой за тридцать рублей. В кошельке осталось семьдесят. Оторвал листок и разложил его поверх первой страницы.

Написал: «Цвет глаз Петра на старом образе. Не знаю. Потеряно.»

Потом ниже: «Номер мамы. Не забыть. Позвонить, когда перестану хрипеть.»

Я перечитал написанное, придерживая лист на столе. Буквы съезжали с линейки. Придерживал лист пальцем, пробовал наклонить его — помогало мало; школа осталась далеко, а левую писать тогда никто не заставлял. В двадцать два моя рука ещё не знала, что будет писать

о спасённых людях. Теперь пусть учится. Разобрать я смогу; завтра не придётся гадать, что именно исчезло.

Закрыл один глаз, потом другой. Строчка про Петра никуда не делась; я даже сердился на себя за эту проверку, пока не добрался до последнего слова. За неё уже не нужно было снова лезть к той стене и вытаскивать из головы старое лицо. Номер мамы стоял ниже, с той же неровной семёркой, которую я всегда писал слишком длинно.

Я свернул листок, положил в карман джинсов. Тетрадь сунул под кровать — хозяйке мои списки читать незачем. На потолке оставался синий отсвет. С листком в кармане уже не так тянуло лежать под ним и проверять себя заново.

Завтра в «Аврору». Снова ждать распределения, слушать знакомые голоса. Хотелось заранее приготовить ответы, но за двенадцать лет я насмотрелся, чем кончается такая уверенность. Правила проверю по одному; свои находки больше не отдам за обещание хорошего места.

Про дальние рейды пока думать не брался. Семеро вышли, я добрался до своей комнаты. На столе лежала добыча, за которую никто не командовал мне расписаться. Хотелось ещё раз потрогать её, но ссадина на ладони уже напоминала, чем кончится такое удовольствие.

Я выключил фонарик. Темнота стала абсолютной, кроме синего пятна на столе.

Я прилёг на кровать, не раздеваясь. Смотрел в потолок, слушая гул города за окном. Заснуть не получалось: снова тянуло проверить память. Если сейчас полезу вспоминать и не найду ещё чего-нибудь, вставать завтра с кровати будет гораздо страшнее, чем сегодня идти к «Слюне».

Я сел на краю кровати и притянул осколок ближе к себе. Синее пятно расползлось по потолку. Попытался сосчитать вспышки, задержав дыхание. Сбился: под повязкой стучало, а свет менялся, и я никак не мог отделить одно от другого. Взгляд опустил на стол. Так хотя бы не надо выворачивать шею. Осколок ядра твари второй волны лежал на столе, прямо на клеенке с выцветшими ромашками, которую хозяйка сменила прошлой весной, когда я въехал в эту конуру. Прошлой весной — для этого тела. Для головы между той весной и сегодняшним вечером легли двенадцать лет.

Я упёр ступни в пол, щадя разбитое колено, и смотрел на этот кусок хитина. Посмотрел на срез сбоку: косые грани сходились под такими углами, каких в обычной добыче я не видел. За такую штуку скупщик должен уцепиться сразу. В первой линии я слышал, сколько скупщики за них дают. Только о моей доле никто не говорил: стоило выйти, материал уже принимала гильдия, а мне оставляли расписку. Сейчас одна моя рука была цела, другая туго забинтована, зато осколок лежал здесь, не в чужой ведомости. Я ещё раз вспомнил Петино «на удачу» у медблока. Кто-то дал мне вещь просто потому, что я остался жив. Не требовал доли, не предъявлял счёт. Через ткань кармана нащупал пластиковый корпус, вспоминая, как Петя придерживал край, пока я не протолкнул подарок глубже.

— Пётр... — я достал из кармана зажигалку и повернул на ладони, пытаюсь удержать тот старый образ.

И замер. Я хотел вспомнить его лицо. Не то, которое видел сегодня в толпе, бледное, с разбитой губой и глазами полными животного ужаса. А то, которое помнил двенадцать лет. То самое. Глаза серые или карие? Я закрыл глаза, пытаюсь поймать образ, но наткнулся на ровное белое пятно. Он совсем недавно дышал мне в ухо, пока мы закрывали дверь. Вспомнил даже это сопение. А на старом лице не мог различить то, что прежде видел без всякого усилия. Край губы различал, даже наклон головы. Стоило добраться до глаз — начинал перебирать цвета, словно правильный обязательно узнаю. Ни один не узнавал. Серые? Карие? Зеленые? Я не знал. Захотелось вернуть тот отсчёт и проверить, в какой секунде исчез цвет. Пришлось разжать пальцы: второй раз проводить их через эту стену ради своей памяти я бы всё равно

не стал. За спасённые жизни я уже заплатил одной мелочью. Одной — пока. Ни дат, ни схем разломов я ей отдавать не собирался: всё, что проверю сегодня, перенесу на бумагу.

— Черт возьми, — я положил зажигалку рядом с осколком и подтянул тетрадь к себе. — Это дорого.

Свет осколка стал ярче, отражаясь от зеркала напротив. Из комнаты было видно улицу. Если кто-то заглянет в окно, он увидит синее зарево, и решит, что у меня здесь радиация или новый вид наркотиков. Потом объясняя одним, откуда взял материал, другим — почему прячешь его ночью. Стоял бы здесь с бинтом и паспортом, пока они выворачивают мою комнату. Нет, обойдётся без этого зрелища.

Поднялся, опираясь здоровой рукой о кровать. Половица скрипнула — замер, прислушался. Не хватало ещё хозяйку разбудить, пока синяя добыча лежит у всех на виду. Правая рука, та самая, которой я держал трубу при добывании «Слюны», горела огнем. Перчаток на мне не было; ладонь сорвало о металл. Под повязкой стучало, и я придерживал запястье левой рукой, чтобы не задевать стол.

Пока стоял у кровати, мысленно примерял осколок к краю матраса. Хозяйка сунется проверять своих «несанкционированных жильцов» — увидит первым делом. Сейфа здесь отродясь не было. Посмотрел на вентиляцию. До кухонной вытяжки хозяйка вряд ли дотянется. Отверстие там небольшое, но ладонь с зажатым осколком пройдёт. Надо только убрать решётку.

Сначала подошёл к вентиляционной решётке. Ржавые винты уже почти не цеплялись за отверстия; снял её левой, подхватив нижний край, пока он не стукнул о пол. Соседей звать совсем незачем. Решётку прислонил к стене и вернулся за осколком. Ладонь сунул под него целиком, не задевая острые края. У стола он казался меньше; на весу пришлось прижать локоть к боку, иначе рука начинала дрожать. Поднёс его к открытой вытяжке. Нос сунул близко и сразу отстранился: пыль, гниль, противная сладость. Посветил осколком. За паутиной что-то шевельнулось; не понравилось мне это движение. Паук? Крыса? Или что-то, что заползло сюда из того самого разлома, пока мы дрались во дворе?

Свет туда больше не направлял. Осколок пристроил в нишу между ламелями, где раньше кто-то прятал бутылку водки (осколки стекла всё ещё торчали из стены). Закрыв решётку. Прямой свет исчез. Отступил к столу и посмотрел оттуда на вытяжку. Синий отблеск ещё оставался, но уже не заливал окно. Кто с улицы заметит, пусть сначала разглядит его сквозь решётку.

Телефон завибрировал на столе. Экран вспыхнул зеленым. Мама.

Телефон пришлось придержать, иначе уехал бы по клеёнке. На экране был номер: +7 912... Я дочитал цифры, хотя уже на первых понял, кто звонит. В первой линии я не брал трубку три дня после своего пробуждения, потому что был уверен, что умру в гаражах через сутки. Когда я все-таки позвонил, она кричала, потом плакала, потом стала просить деньги на еду, потому что отец ушел к другой, а пенсию ей задержали. Три года спустя она умерла от инсульта в очереди в поликлинике, а я узнал об этом через неделю, потому что никто не смог до меня дозвониться — я был в рейде.

Мама звонила сама. До того дня в поликлинике оставалось три года, а сейчас она, наверное, сердится на мой телефон: сын куда-то делся с утра, даже словечка не написал. На меня сердится. Живая.

Зелёная кнопка дрожала вместе с телефоном. Большой палец уже лёг возле неё: сейчас мама спросит, ел ли я, и по паузе поймёт, что вру. Я заранее слышал её ворчание, тёплое, чуть хриплое, и захотел хоть минуту послушать без необходимости оправдываться. Я потянулся пальцем к экрану, но остановился. Я попробовал сказать «привет» и закашлялся, будто опять наглотался слизи. Таким голосом отвечу — она услышит раньше, чем успею соврать, что всё

хорошо. Я набрал сообщение большим пальцем: «Мам, жив. Завтра позвоню. Сегодня горло сорвал». Пока печатал, вызов продолжал дрожать на столе.

В первой линии она умерла за девять лет до моей смерти. В этот раз я знал дату и поликлинику. Девять лет таскал её смерть как камень под рёбрами; теперь мог добраться туда заранее. Я перечитал сообщение и добавил: «Я ел». Пускай поспит сегодня.

Я сбросил вызов и отправил сообщение. Телефон замолчал, оставшись лежать на клеёнке. Ждал ответ, прижав телефон к клеёнке большим пальцем. Не замечал ни улицы, ни собственного дыхания — только бы она сейчас не начала перезванивать. Потом пришёл ответ: «Завтра так завтра. Горелое не ешь». Я уткнулся лбом в левую ладонь. Живая. Ворчит.

Из ящика взял ручку и бумагу. На первых цифрах ручка потекла — цифры обвёл, чтобы не спутать. Под номером вывел «Мама» и сегодняшнюю дату. Рядом осталось место; там пока поставил вопросительный знак. Завтра позвоню, а дальше что? Помню ли я её лицо? Да. Цвет глаз на старом образе? Не мог поймать; после целого дня под синими вспышками все лица лезли одинаковыми пятнами. Я поставил вторую пометку: «Проверить по старому фото». Диагноз себе в темноте ставить рано. Дату её смерти я записал ниже, без ошибки: эту я помнил.

Свернул листок треугольником и сунул в паспорт. Прижал сгиб к странице с фотографией и закрыл паспорт. Номер был написан там, куда я доберусь даже без работающего телефона. Перед тем как убрать документ, ещё раз открыл его: треугольник остался на месте, чернила не смазались.

Из кухни донеслось шипение. Чайник? Стоп, я к нему сегодня не подходил. Это наверху сосед опять возится с водой в радиаторах; через трубу слышно, как он выпускает воздух. В первый месяц здесь я вскакивал на это шипение. Сейчас остался сидеть. Пусть сосед спускает воду, пока я занят своим; через несколько минут всё равно прекратит.

Я сел обратно на кровать и открыл браузер телефона. Вверху каждой ленты торчали гаражи. Прокрутил ниже — и там они. Кто-то успел снять наш выход, пока мы ещё протискивались к турникету.

«ИНЦИДЕНТ НА ГАРАЖНОМ КООПЕРАТИВЕ ЛОКАЛИЗОВАН».

«РЕЕСТР: ПОТЕРИ МИНИМАЛЬНЫ».

«ВИДЕО ИЗ СЕТИ: НЕЗНАКОМЕЦ ВЕДЕТ ЛЮДЕЙ СКВОЗЬ ОГОНЬ».

Я кликнул на ссылку. Видео было трясущимся, снятым кем-то с балкона третьего этажа. Приблизил кадр — лицо распалось на квадраты. Белую футболку видно и без увеличения, труба тянется через полэкрана. Убрать её из кадра я теперь уже никак не могу. Смотрел на себя со стороны и никак не мог узнать этот ровный шаг. Внутри-то у меня всё тряслось. Люди на записи теснились за трубой; сразу захотелось пересчитать их, хотя исход этого выхода я уже знал.

До комментариев долистал не сразу — всё ещё хотелось пересчитать людей. Там уже считали мой ранг:

«Это спецназ?»

«Нет, это новичок, посмотри на одежду!»

«Какой ранг? Е-шка не может так себя вести!»

«У него был план. Он знал, куда идти.»

«Кто это?!»

Прокрутил запись назад. Это сняли не камеры Реестра — обычный балкон. Копии могли уже разойтись по чужим телефонам; убрать их одним приказом об архиве не получится. На стоп-кадре я узнал свою футболку и то, как выставил локоть перед первым бегущим. Лица почти не разобрать, зато охране у турникета хватит и этого движения. Имя я ещё мог не писать в чате; от фотографии, уже гулявшей по городу, спрятаться таким способом не получится.

Из браузера перешёл в «Новички-2026». Сообщения бежали быстрее, чем я успевал их читать; остановил ленту на имени Петра Смолина. Пальцем держал экран, чтобы его слова не ушли вверх.

«Ребят, спасибо всем. Но если бы не тот парень с трубой, нас бы не было. Он буквально вытащил нас из-под морды той твари. Кто знает, кто это?»

Я перечитал Петино сообщение и улыбнулся, осторожно, чтобы не тянуло разбитую щёку. Живой пишет. И меня ищет не охрана, а человек, который успел выйти. Хотелось сразу ответить: «Это я, дурень». Вместо этого я ещё раз посмотрел на его имя. Цвет глаз с того старого лица так и не вспомнился. Улыбка держалась, а под рёбрами уже холодело.

Я набрал ему в личные сообщения. Левый большой палец дрожал над клавиатурой; правую ладонь я держал на колене.

«Не благодари. Учись. И запомни: в следующий раз слушай тех, кто говорит тихо.»

Отправил. Через секунду пришло прочтение. Никакого ответа. Пока.

Вернулся из личных сообщений в общий чат. Над новым комментарием имени не было; пришлось задержать прокрутку, чтобы прочесть вопрос:

«А видео с камер кто-нибудь сохранил? Реестр быстро чистит архивы, но есть сторонние сервисы.»

От этого вопроса в животе похолодело. Благодарившие писали про спасённых и трубу. Этому нужны были записи камер, причём до того, как их уберёт Реестр. Я вернулся к его сообщению, посмотрел на пустое имя. Кто он — такой же спасённый или человек, которому поручили найти меня на всех кадрах?

Я закрыл телефон и положил его экраном вниз. В комнате стало темно. Луна оставила между жалюзи узкие полосы на полу. Пока я убирал телефон, одна легла поперёк моей ладони; я отдёргнул её к колену и только тогда заметил, насколько напрягся от чужого вопроса в чате.

Под кроватью нащупал обложку с котом. Сегодня за неё отдал тридцать рублей; ещё у кассы сообразил, что взрослой тетради для такого списка выбирать некогда. Дневник я прежде не открывал. После рейдов даты и схемы помнил без записей; погибших хотелось забыть, но их имена тоже никуда не уходили. На сегодняшнем выходе схема совпала. Цвет глаз пропал. Если не запишу оба случая рядом, завтра начну убеждать себя, что ошибся только от усталости.

Тетрадь вытянул за угол обложки, ручку нашёл рядом с телефоном. На чистой странице первая буква вышла кривой; я поправил нажим и вывел дату крупнее. Левая буксовала, на цифрах останавливался, проверяя нажим. Под датой оставил место под имена. На двоих сегодня напишу «жив» — хоть это у меня выйдет без вопросительных знаков.

Написал крупно: «ДАТА ПРОБУЖДЕНИЯ.»

Под ней: «20.05.2026.»

Потом список.

«Пётр Смолин.» Жив. Глаза в старом образе — ???

«Кира Вьюхина.» Жива.

«Разлом Гаражи.» Босс «Слюна», класс Е+. Убит лично.

«Время открытия.» 9:02, на тринадцать минут раньше памяти.

«Пройденный выход.» Технический лаз, канава у третьего бокса. Совпало.

«Аврора.» Гильдия. Предатели.

После списка у меня осталось ещё полстраницы. Я перечитал её сверху: жив, жива, убит лично, время не совпало. Про «Аврору» хотелось написать больше, но сначала обвёл сегодняшний выход. Если завтра опять полезу в разлом, проверю этот поворот по записи, а не по тому, как уверенно он всплывёт в голове. Петино имя оставил первой строкой; вопросительные знаки возле глаз так и стояли. Дописать цвет наугад означало бы самому испортить проверку.

За окном послышался гул машины. Патруль Реестра? Или просто такси? Я подошел к балкону. Город спал. Обычный спальный район, типичные пятиэтажки, фонари, которые гас-

нут к двум ночи. Вдали, над центром города, небо было чистым. Ни синих разрывов, ни дыма. Будто ничего не случилось.

У балкона я потёр щёку и тут же убрал пальцы: ссадина саднила. От футболки всё ещё пахло гарью. За окном ничего не напоминало о гаражах, а мне достаточно было попытаться вспомнить глаза мёртвого Петра. На живом лице я их сегодня видел. В старом образе осталось пятно.

Я вернулся в комнату. На гвозде в стене висела стальная труба. Я повесил её, как только вошёл: ещё одной рукой держать добычу весь вечер не собирался. Та самая, заточенная о бетон, из которой я сделал пику. Она выглядела нелепо на фоне обоев с цветами. Грубая, рваная, пахнувшая слизью твари. Выкинуть? Легче всего. Просто снять и выбросить в мусоропровод. Тогда я останусь обычным Димой Пырьевым, который чудом выжил.

Я всё-таки снял трубу левой рукой и перехватил ближе к середине. Шершавый металл лёг под пальцы так, как ложилось прежнее копьё. Здесь была вмятина от «Слюны», ниже — след от дверной скобы. По этим двум местам я мог восстановить бой лучше, чем по видео. Прежде чем повесить пику, провёл большим пальцем рядом с вмятиной. Семеро вышли. А я до комнаты донёс и её, и добычу — никто сегодня не заставил бросить оружие у чужих ног. Выбрасывать её из-за нелепого вида на цветочных обоях было бы совсем глупо.

На гвоздь я вернул её тупым концом вниз, остриём от прохода. Не хватало ещё хозяйке зацепиться за моё оружие, когда она снова придёт за арендой. Вмятину оставил к свету — утром посмотрю, сколько с неё придётся снять.

Телефон снова вибрировал. Проверил, не мама ли снова. Нет, «Аврора». Значок на экране хотелось стереть большим пальцем. В первой жизни я ждал его, радовался каждому вызову. Уже знал, чем они со мной расплатятся через двенадцать лет, и всё равно открыл сообщение.

Сообщение пришло без подписи, автоматическое, но адресованное конкретно мне.

УВЕДОМЛЕНИЕ О РЕГИСТРАЦИИ СТАТУСА.

Клиент: Пырьев Д.А.

Статус: Активирован (Е).

Приглашение: Медкомиссия и распределение.

Время: завтра, 09:40.

Место: Корпус Б, Кабинет распределения.

Примечание: Отдельно от общей очереди. Явка обязательна.

Я перечитал три раза. Кабинет распределения? В первой линии меня гнали в общую толпу стажеров, унижали, ставили в конец списка. Меня вообще забыли на два дня. Теперь не очередь, а кабинет. Девять сорок — как будто у меня право выбирать час. Они хотят разглядеть героя с видео или уже ищут, на чём его поймать?

Вызов пришёл именно мне, не всему чату новичков. Девушка с планшетом уже показывала мой кадр; теперь кто-то поставил встречу раньше общей очереди. Я вернулся к строке «отдельно» и прочёл ещё раз. Приятно было бы пойти туда как награждённый герой. Только под расписками о моих вещах в первой жизни всякий раз появлялась чужая подпись. Ранний вызов этот порядок сам по себе не отменяет.

Труба висела у стены; до двери я смогу снять её левой. Паспорт с запиской лежал под телефоном. От вентиляции ещё тянуло синим — тряпку для осколка придётся сложить плотнее. Осколок покажу. Выкладывать перед ними свои записи не собираюсь: пригласили меня, а не всю мою память.

— Ладно, — я перевернул телефон экраном вверх и сохранил приглашение; голос прозвучал чуждо в тишине комнаты. — Пойдем в гости.

Я выключил свет. За решёткой ещё синело. С кровати ответ был замечен, от окна почти не виден; повернулся к нему спиной, чтобы хотя бы перед сном не высматривать новую вспышку.

Ложился медленно, отводя больное колено. Сводило мышцы; дождался, пока отпустит, а заснуть всё равно не смог. Я лежал, глядя в потолок, и перебирал в голове имена. Тех, кого я знал мертвыми. Тех, кого я теперь обязан сделать живыми. Список был длинный. Память держала все имена, до которых я успел добраться. Я поднялся ещё раз и записал пять первых: до утра потерять их не дам.

В 09:40 придётся сидеть перед теми, кто в первой жизни отправлял меня в конец очереди. Они ещё не знают, что на этот раз я пришёл со своим материалом и помню их способы считать чужую долю. Я поставил время рядом с пятью именами. Будильник заведу после того, как проверю заряд телефона.

Я уже засыпал, не выпуская из левой руки зажигалку. Ту самую, дешёвую, пластиковую, которую Пётр сунул мне в карман у медблока. «На удачу», — сказал он тогда, придерживая карман. Я не помнил цвета глаз на его мёртвом лице. Но я помнил, как он улыбался сегодня.

Пять имён остались на раскрытой странице. Я дотянулся до её края, подвинул тетрадь подальше от края стола и оставил так: проснусь — увижу сразу. Цвет глаз можно было не вспомнить, но записанное сегодня я хотя бы не спутаю с догадкой.

Перед сном я ещё раз потянулся к телефону. В приглашении всё ещё светило «Явка обязательна». Я помнил, сколько стоило нарушить этот приказ в первой жизни. Помнил и людей, которые его подписывали. За перекрытый отход им придётся платить; начну с того, что завтра они не получают мою добычу бесплатно. Осколок я достану утром, заверну плотнее и уберу во внутренний карман старой запасной куртки. Предъявить — не значит отдать. Кто в «Авроре» уже распорядился моей добычей до встречи со мной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.